

Hommage de
B. Pharaonowski

St. Pétersbourg
1902.

11

Рис. 1 (н. в.).

Fragment d'une coupe de terre, ornée d'un relief, d'Olvia
Обломокъ глиняной чаши, украшенной рельефомъ, изъ Ольвіи.

Издаваемый обломокъ найденъ былъ лѣтомъ 1901 г. авторомъ этихъ строкъ при раскопкахъ пещера г. Ольвіи, близъ древняго склена, сооруженнаго, какъ гласитъ находившаяся въ немъ надпись ¹⁾, Еврисивіемъ, сыномъ Каллисѳена, и женою его Аретой, дочерью Памія.

По формѣ обломка сейчасъ же можно сдѣлать заключеніе, что онъ составлялъ часть круглой чашки. Какъ видно по обратной сторонѣ, обломокъ представляетъ доньшко чашки. Судя по остаткамъ стѣнокъ, форма чашки приближалась къ полушару. Внутри на днѣ чашки, въ медальонѣ находился рельефъ, представленный на рис. 1. Такія чашки съ рельефными медальонами на днѣ уже находимы были въ Ольвіи ²⁾. Онѣ попадаются и въ другихъ мѣстахъ на югѣ Россіи ³⁾.

¹⁾ Надпись издана В. В. Латышевымъ въ *Inscriptiones antiquae orae sept. Ponti Euxini*, IV, № 461. Что она происходитъ изъ склена, очипченнаго при раскопкахъ 1901 г., удостовѣрено на мѣстѣ показаніями многихъ очевидцевъ.

²⁾ Ср. *Bonner Jahrbücher (Jahrbücher des Vereins von Alterthums-Freunden im Rheinlande)*, LXXX (1891), 7, и CXVI—XCVII (1895), 26.

³⁾ Такъ, несомнѣнно онѣ выдѣлывались въ Херсонесѣ. К. К. Косцюшко-Валюжиничъ въ 1900 г. нашелъ при раскопкахъ фрагментъ такой чашки съ горельефнымъ изображеніемъ бюстовъ цѣлующихся юноши и дѣвушки. Ср. выше стр. 19, рис. 19. Изданныя проф. В. К. Мальмбергъ формы, найденныя въ Херсонесѣ (см. *Материалы по археологii Россii, изд. Императорскою Археол. Коммиссіею*, № 7, 1892 г., табл. I и II), скорѣе всего служили для отливанія медальоновъ такихъ же чашъ. На это указываетъ уже громадное сходство фрагмента, изданнаго г. Косцюшко-Валюжиничемъ, съ отпскомъ полученнымъ изъ одной изъ херсонесскихъ формъ (*Материалы*, № 7, стр. 12). В. К. Мальмбергъ при изданіи формъ, найденныхъ въ Херсонесѣ (*Матер.*, стр. 8), полагалъ, что нѣкоторыя изъ нихъ могли быть сняты съ крышекъ металлическихъ коробочекъ, украшенныхъ рельефами. Въ виду того, что такихъ коробочекъ нигдѣ не было найдено, какъ указываетъ самъ г. Мальмбергъ, между тѣмъ, какъ показали раскопки, въ Херсонесѣ были въ употребленіи глиняныя чашки съ рельефными медальонами, намъ кажется, что формы, найденныя въ Херсонесѣ, скорѣе всего

Въ медальонѣ на нашемъ обломкѣ представленъ бюстъ молодого сатира, который держитъ на правомъ плечѣ зажженный факель. У сатира довольно длинные вьющиеся волосы и небольшіе рожки ¹⁾. Единственною одеждою у него служить козья шкура, переброшенная черезъ лѣвое плечо, завязанная на немъ ножками и оставляющая непокрытыми правое плечо и часть груди. По стилю и техникѣ весьма близка къ издаваемому нами обломку чашки изъ Ольвин, находящаяся въ Художественномъ музеѣ въ Боннѣ ²⁾. Наша чашка, безъ сомнѣнія, была не только той же формы, но явилась, вѣроятно, и въ той же мастерской, какъ боннская. По всей вѣроятности, наша и боннская чашки составляли пару. За это говорятъ одинаковая величина, композиція, стиль и сюжеты медальоновъ обѣихъ чашекъ (ср. рис. 1 и 3). Въ медальонѣ боннской чашки видимъ горельефный бюстъ сатира, который держитъ горящій факель на лѣвомъ плечѣ. На головѣ у него надѣтъ плющевый вѣнокъ; одеждою служитъ козья шкура, наброшенная на лѣвое плечо и такъ же завязанная, какъ у сатира на нашемъ обломкѣ; въ правой рукѣ сатиръ держитъ спринкель ³⁾.

Двѣ изъ найденныхъ въ Херсонесѣ формъ представляются также парю. Обѣ онѣ даютъ изображенія юныхъ сатировъ ⁴⁾. «По размѣрамъ и характеру — замѣчаетъ проф. В. К. Мальмбергъ—эти два рельефа такъ близки, что мы вправѣ полагать, что оригиналы служили для украшенія одного и того же предмета» ⁵⁾. По нашему мнѣнію, они могли такъ же хорошо украшать и двѣ различныхъ чашки, составлявшія, какъ боннская и наша, одну пару.

Чашки изъ глины съ горельефными медальонами внутри часто находимы были въ древнихъ некрополяхъ Италіи. По большому количеству такихъ чашекъ

употреблялись для отливанія медальоновъ такихъ чашекъ, и что и спиты онѣ были скорѣе съ медальоновъ тоже металлическихъ чашъ. Ср. de Witte, *Gazette Archéologique*, V (1880), 139; D r a g e n d o r f f, *Bonner Jahrbücher*, XCVI—XCVII (1895), 26. Въ Ольвин найденъ былъ серебряный медальонъ съ изображеніемъ двухъ цѣлующихся фигуръ, близкій къ херсонесскому, о которомъ мы упомянули выше. Медальонъ этотъ (см. рис. 2 на стр. 75), вѣроятно, служилъ украшеніемъ серебряной чашки. Ср. также рельефный медальонъ, украшавшій дно глиняной чашки, найденный въ Керчи (*Отчетъ Имп. Арх. Комм.* за 1869 г., табл. IV, № 21; ср. стр. 190).

¹⁾ Ср. F u r t w ä n g l e r, *Annali dell' Istituto di corrisp. arch.* 1877, 208 сл., 440 F u r t w ä n g l e r, *Der Satyr aus Pergamon*, 40 *Programm z. Winckelmannsfeste* Berlin, 1880, 31.

²⁾ *Bonner Jahrbücher*. ук. м. См. рис. 3, на стр. 80, замѣтованный изъ названнаго издаанія.

³⁾ Лѣшке (ср. *Bonner Jahrb.* ук. г., 6 сл., пр. 1), а за нимъ Драгендорфъ (ук. м.) думаютъ, что на чашкѣ представлена женщина-сатиръ. Лѣшке, однако, колеблется и не утверждаетъ этого положительнo. Мильхгеръ, *Bonn. Jahrb.*, LXXX (1891), 7, считаетъ фигуру сатиромъ.

⁴⁾ *Mat. по археол. Россіи*, № 7, табл. II, 5 и 6.

⁵⁾ *Mat. по арх. Россіи*, ук. выпускъ, 12.

въ некрополѣ гор. Калесъ (Calvi) въ наукѣ ихъ часто называютъ *каленскими* ¹⁾. Каленскія чаши относятся безусловно къ тому же разряду античныхъ сосудовъ, какъ наша чашка, какъ херсонесскія и боннская ²⁾.

Уже Райэ ³⁾ замѣтилъ, что мастера, выдѣлывавшіе глиняныя вазы, украсившемъ которыхъ служатъ рельефы, подражали издѣльямъ изъ металла, драгоценнымъ вазамъ изъ серебра и золота. Дѣйствительно, среди тѣхъ немногихъ металлическихъ вазъ, которыя дошли до насъ отъ классической древности, есть чаши, представляющія прямая и поразительныя аналогіи глинянымъ каленскимъ, херсонесскимъ и ольвійскимъ чашамъ съ горельефными медальонами. Таковы серебряныя чаши изъ Египта, которыя находятся теперь въ Берлинскомъ музеѣ ⁴⁾. Таковы же нѣкоторые изъ сосудовъ хорошо извѣстныхъ кладовъ гильдесгеймскаго ⁵⁾ и боскорейскаго ⁶⁾. Конечно, съ чаши, подобной только что названымъ, происходитъ серебряный медальонъ III—II в. до Р. Хр. изъ Ольви (рис. 2), приобретенный для Императорской Археологической Коммиссіи графомъ А. А. Бобринскимъ. Въ этомъ медальонѣ представлены бюсты двухъ обнаженныхъ и цѣлующихся фигуръ, — мотивъ, знакомый уже намъ по фрагменту чаши съ рельефнымъ медальономъ, найденному въ Херсонесѣ (см. выше стр. 19, рис. 19).

Рис. 2 (н. в.).

Рельефными медальонами украшались не только чаши, но и другая металлическая утварь. Въ боскорейскомъ кладѣ есть одно круглое серебряное зеркало, которое по серединѣ украшено совершенно такимъ же горельефнымъ медальономъ, какими украшались чаши. Въ немъ представлена менада ⁷⁾. Сюжетъ, композиція, мотивъ и стиль медальона представляютъ массу аналогій съ медальонами

¹⁾ Ср. о нихъ Blümner, *Technologie und Terminologie der Geverbe und Künste bei Griechen und Römer*, II, 98 сл.; Bendorff, *Griechische und sizilische Vasenbilder*, 109 сл., табл. LVI сл.; Furtwängler, *Collection Sabouroff*, къ табл. LXXIII; Rayet-Collignon, *Histoire de la céramique grecque*, 346 сл.; Dragendorff, *Terra sigillata*, *Bonner Jahrbücher*, XCVI—XCVII, 23 сл.

²⁾ Ср. Dragendorff, *ук. соч.*, 25 сл.

³⁾ Ср. Rayet-Collignon, *Hist. de la céram. grecque*, 339.

⁴⁾ Ср. E. Pernice, *Hellenistische Silbergefäße im Antiquarium der königl. Museen*, 58 *Programm zum Winkelmannsfeste der archäolog. Gesellschaft zu Berlin*, Berlin 1898.

⁵⁾ Ср. Holzer, *Der Hildesheimer antike Silberfund*, Hildesheim, 1870; Wieseler, *Der Hildesheimer Silberfund*, *Festprogr. zu Winkelmanns Geburtstage*, Bonn, 1868; Winter, *Archäol. Anzeiger*, XII (1897), 115 сл.

⁶⁾ Ср. Winter, *Arch. Anz.*, XI (1896), 74 сл.; *Monuments et mémoires, fondation E. Piot*, V (1899), табл. I сл.

⁷⁾ *Archäol. Anz.*, XI (1896), 76, 2; *Mon. Piot*, V (1897), табл. XIX.

на ольвийскихъ чашахъ, и особенно съ нашимъ. И среди дошедшихъ до насъ металлическихъ вазъ многія представляютъ пары: въ воскоресальскомъ кладѣ есть десять паръ, среди судовъ изъ Египта—двѣ; нѣсколько паръ имѣется и въ гильдесгеймскомъ кладѣ и среди сосудовъ изъ Берная и Помпей ¹⁾. Часто о парныхъ сосудахъ мы читаемъ и у древнихъ авторовъ ²⁾. Парные сосуды чрезвычайно любимы были въ эллинистическую эпоху, какъ свидѣтельствуютъ о томъ и древніе тексты и дошедшіе до насъ памятники. Къ эллинистической эпохѣ надо отнести и нашъ медальонъ. На эту эпоху указываетъ уже сатиръ съ рогами, являющийся впервые въ пергамскомъ искусствѣ ³⁾. Что нашъ рельефъ, однако, не позже II в. до Р. Хр., вышнее указаніе на это дастъ форма спринкса у сатира на бошской чашкѣ, которая, какъ мы замѣтили уже, представляетъ если не издѣліе того же мастера, какъ фрагментъ изъ Ольви, то во всякомъ случаѣ продуктъ той же самой мастерской: всѣ семь трубочекъ спринкса здѣсь почти равны, между тѣмъ какъ на памятникахъ I в. до Р. Хр. нѣкоторыя изъ нихъ дѣлаются уже гораздо длиннѣе ⁴⁾.

Точнѣе время издаваемаго обломка изъ Ольви опредѣляется изъ анализа его стили и техники. Хотя рельефы, выливанннсея изъ формъ, издавна (уже съ VII в. до Р. Хр.) и непрерывно до позднихъ временъ употреблялись для украшенія терракотовыхъ греческихъ вазъ ⁵⁾, особенное распространеніе они получаютъ съ тѣхъ поръ, какъ по разнымъ причинамъ прекращается выдѣлка расписныхъ сосудовъ ⁶⁾, т. е. приблизительно съ половины IV в. до Р. Хр. ⁷⁾.

Прямими предшественниками чашъ съ горельефными медальонами являются чаши съ небольшими рельефными головками на днѣ. Въ качествѣ примѣра такихъ чашъ можно привести чашу съ головкой сатира, найденную нами въ Ольви въ 1896 году ⁸⁾. Такъ какъ эта чаша найдена въ одной гробницѣ

¹⁾ Ср. Pernice, *Hellenistische Silbergefäße*, 19 слл.

²⁾ См. тексты, собранные у Перница, *ук. соч.*

³⁾ Ср. Furtwängler, *Der Satyr aus Pergamon*, 22 слл.

⁴⁾ Ср. Furtwängler, *Annali dell' Inst. di corrisp. arch.* 1877, 214 слл.; *Der Satyr aus Pergamon*, 7.

⁵⁾ Ср. Pottier, *Monuments grecs*, II, №№ 14—16 (1885—1888), 52 слл.; Rayet-Collignon, *Hist. de la céram. grecque*, 339 слл., Pottier у Dumont-Chaplain, *Les céramiques de la Grèce propre*, I, 393.

⁶⁾ Ср. Pottier, *ук. м.*; Rayet-Collignon, *ук. м.*; H. В. Walters, *Catalogue of the greek and etruscan vases in the British museum*, IV, London, 1896, 24.

⁷⁾ Ср. наши замѣчанія въ *Запискахъ Импер. Русскаго Археол. Общ.* XII, 3—4, нов. сер. Труды отдѣл. археологій древне-класс., визант. и западно-европ. Спб., 1901, книга пятая, 326 слл.

⁸⁾ Ср. *Отчетъ Импер. Археолог. Комм. за 1896 г.*, стр. 212, рис. 604.

съ расписною пелюхой ¹⁾, она должна относиться еще къ первой половинѣ IV в. Отъ подобной чаши найденъ фрагментъ въ 1899 г. въ Херсонесѣ ²⁾.

Каленскія чаши, какъ показываютъ встрѣчающіяся на нихъ надписи, а равно и многочисленныя аналоги, которыя наблюдаются у нихъ въ стилѣ съ помпейскими картинами, этрусскими урнами и зеркалами, относятся къ III—II в. до Р. Хр. ³⁾. Разбирая стиль рельефовъ, вылитыхъ изъ формъ, найденныхъ въ Херсонесѣ, В. К. Мальмбергъ пришелъ къ заключенію, что нѣкоторыя изъ этихъ формъ явились прибол. въ половинѣ III вѣка до Р. Хр. ⁴⁾.

Если авторы названныхъ херсонесскихъ формъ въ стилѣ стоятъ частію подъ вліяніемъ еще мастеровъ IV в. ⁵⁾, авторъ нашего рельефа вдохновлялся, очевидно, уже искусствомъ болѣе поздняго времени. Вѣроятно, всякаго поразить сходство сатира на рельефѣ изъ Ольви съ скульптурами старшей пергамской школы ⁶⁾, насколько, разумѣется, возможно сравнивать произведенія монументальнаго искусства съ издѣліемъ мелкой промышленности. Авторъ нашего рельефа старался придать фигурѣ тѣ формы, которыя мы наблюдаемъ у мраморныхъ статуй изъ группъ, посвященныхъ пергамскимъ царемъ Атталомъ I на аонскій акрополь ⁷⁾. Крупныя бугры сильно перелетающихъ выющихся волосъ по рисунку и общему расположенію напоминаютъ волосы у статуи пораженнаго гиганта Неаполитанскаго музея ⁸⁾, у раненаго галла въ Луврѣ ⁹⁾. Характерныя формы лица съ выступающими надглазными частями и щеками, бросающими сильныя тѣни у глазъ, и особенно съ выдающимся подбородкомъ, имѣющимъ эллиптическую форму, находятъ ближайшія аналоги у статуи того же галла. Морщины на лбу, очертанія носа и губъ тоже указываютъ на то, что авторъ рельефа подражаетъ пергамскому стилю эпохи Аттала I. И общій характеръ рельефа указываетъ на то же. Натурализмъ типа, воспроизводящаго черты варваровъ, крайняя подробность деталей, виртуозность, вычурность

¹⁾ Ср. тамъ же, стр. 210, гробница № 41.

²⁾ Ср. *Извѣстія*, вып. 1, стр. 32, рис. 27.

³⁾ Ср. Rauret-Collignon, *Histoire de la céramique grecque*, 345 слл.; Dragendorff, *Terra sigillata*, 23 слл.; Walters, ук. м.

⁴⁾ *Материалы по археол. Россіи*, ук. выпускъ, 9.

⁵⁾ Ср. В. К. Мальмбергъ, *Материалы по арх. Р.*, ук. вып., 9.

⁶⁾ Ср. о нихъ Overbeck, *Geschichte d. griechischen Plastik*, II, 132 слл.; Collignon, *Sculpture*, II, 500 слл.; Pontremoli et Collignon, *Pergame*, Paris, 1900, 203 слл.

⁷⁾ Ср. Overbeck, ук. соч., II, 244 слл.

⁸⁾ Collignon, ук. соч., II, 509, фиг. 260; Pontremoli-Collignon, ук. соч., 208.

⁹⁾ Collignon, ук. соч., II, 511, фиг. 263; Pontremoli-Collignon, ук. соч., 211.

и театральность стилиа, присущія нашему рельефу, составляютъ и основныя черты пергамской школы, продолжавшей натуралистическія тенденціи Лисиппа и соединившей ихъ съ наэосомъ Скопаса. Этотъ стиль въ пластикѣ господствовалъ въ III—II в. по всей Малой Азии, и въ Пергамѣ былъ только одинъ изъ главныхъ центровъ его развитія ¹⁾.

Въ основныя своихъ принципахъ пергамское пластическое искусство съ его грандіозными, роскошными формами является эманацией того же «азіанизма», который въ краснорѣчій олицетворяли риторы Малой Азии, «asianî». Тотъ же стиль господствовалъ и въ другихъ отрасляхъ искусства, изъ которыхъ все, кажется, процвѣтало въ Пергамѣ ²⁾. Колоссальныя богатства пергамскихъ царей, соперничавшихъ въ роскоши съ діадохами Сиріи и Египта, способствовали, разумѣется, процвѣтанію торевтики, искусству выдѣлыванія утвари изъ драгоценныхъ металловъ. До насъ дошли древнія свидѣтельства о художникахъ, прославившихся въ этой области и работавшихъ въ Пергамѣ ³⁾. Винтеръ и Колиннонъ указываютъ на сходство въ стилѣ съ пергамскими скульптурами фигуры Аѳины на великолѣпной чашѣ гильдесгеймскаго клада ⁴⁾. Это обстоятельство, а равно и то, что фигура Аѳины повторяетъ мотивъ этой богини на монетахъ пергамскихъ царей, начиная съ Аттала I и до Аттала II, и въ правой рукѣ держитъ одинъ изъ такихъ рулей, которые изображены въ трофеяхъ на балюстрадахъ въ портикѣ Аѳины Полиады въ Пергамѣ ⁵⁾, заставляетъ думать, что чаша съ изображеніемъ Аѳины была сдѣлана въ Пергамѣ. Но именно такого рода драгоценнымъ чапанамъ представляютъ подражанія чаши каленскія и ольвійскія. Съ такихъ чашъ, намъ кажется, скорѣе всего были сняты и формы, найденныя въ Херсонесѣ. Проф. В. К. Мальмбергъ съ присущей ему проникательностью изъ анализа стилиа и украшеній формъ опредѣлилъ, что нѣкоторыя изъ нихъ не были дѣломъ простаго гончара, отличаются высокою степенью художественности и должны были быть несомнѣнно сняты съ вещей металлическихъ ⁶⁾. Въ то же время Ѡ. Г. Беренштамъ, дѣлавшій оттиски съ херсонесскихъ формъ, пришелъ къ убѣжденію, что онѣ пригодны только для выдѣлыванія глиняныхъ фигуръ, не обладавъ достаточною прочностью для отливки изъ

¹⁾ Ср. Pontremoli-Collignon, ук. соч., 218 слл.

²⁾ Ср. Pontremoli-Collignon, ук. соч., 225 слл.

³⁾ Ср. Pontremoli-Collignon, ук. соч., 226 сл. Ср. тамъ же, 193, 195.

⁴⁾ Winter, *Archäol. Anz.*, XII (1897), 125 слл.; Pontremoli-Collignon, ук. соч., 227. Ср. Pernice, *Hellenistische Silbergefäße*, 29, 12; Milchhöfer, *Progr. z. Winckelmannsfeste*, Berlin, 1882, 42.

⁵⁾ Ср. Pontremoli-Collignon, ук. соч., 119 слл.

⁶⁾ Ср. В. К. Мальмбергъ, *Мат. по арх. Р.*, 7.

металла ¹⁾). Въ Херсонесѣ, такимъ образомъ, воспроизводили въ глинѣ металлическіе оригиналы. Крайне интересенъ выводъ проф. В. К. Мальмберга относительно оригинала оттиска, изображеннаго у него на табл. I, 2: его «сюжетъ говоритъ въ пользу происхожденія, если не изъ самаго Пергама, то по крайней мѣрѣ, изъ Малой Азіи». Съ пергамскимъ искусствомъ имѣютъ аналогию въ стилѣ, по нашему мнѣнію, нѣкоторыя и другія херсонесскія формы. Оттискъ, изданный на стр. 13 «Матеріаловъ», ср., напр., съ мраморною головою кентавра пергамской школы въ Palazzo dei Conservatori въ Римѣ ²⁾). Оттискъ, изображенный на табл. II, 4, имѣетъ близкія аналогию въ стилѣ съ головою Марсія изъ Тарса въ Оттоманскомъ музеѣ въ Константинополѣ ³⁾). Головку Аонны (табл. I, 4) можно сравнить съ головою Аонны гильдесгеймской чаши и т. д.

Если въ Херсонесѣ несомнѣнно были мастера, дѣлавшіе глиняныя вазы съ рельефными медальонами и воспроизводившіе при посредствѣ формъ оригиналы изъ драгоценныхъ металловъ, явившіеся въ Пергамѣ или вообще въ Малой Азіи, то издаваемый нами обломокъ чаши говоритъ за то, что такія же вазы дѣлались и въ Ольвиі, и что тамъ не менѣе, вѣроятно, цѣнили издѣлія пергамской торевтики, чѣмъ въ Херсонесѣ, такъ какъ нашъ обломокъ не единственный примѣръ такого рода чаши изъ Ольвиі, подражавшихъ торевтикѣ.

Итакъ, стиль рельефа заставляетъ отнести нашъ обломокъ скорѣе всего ко времени Аттала I (241—197 гг. до Р. Хр.). Къ болѣе позднему времени относится бронзовая статуя сатира, найденная въ Пергамѣ. Фуртвенглеръ указываетъ на родство ея по стилю съ рельефами большого пергамскаго алтаря, явившимися, какъ извѣстно, при Евменѣ II (197—159 гг. до Р. Хр.) ⁴⁾. Типъ сатира у пергамской статуи нѣсколько иной: всѣ черты рѣзче и гораздо менѣе благородны; стиль еще болѣе театралный; еще болѣе замѣтно стремленіе къ натурализму и къ болѣе рѣшительной характеристикѣ именно-животной и дикой природы сатира.

Наконецъ, и техника обломка изъ Ольвиі указываетъ на III—II в. Чаша была покрыта лакомъ, который очень уже далекъ отъ густого чернаго лака классической эпохи. Лакъ на обломкѣ—коричневаго матоваго тона, почти не

¹⁾ Ср. *Матеріалы*, № 7, 3.

²⁾ *Monumenti inediti dell' Istituto*, XII, 1; Pontremoli-Collignon, ук. соч., 216; Heibig-Reisch, Guide to the public collections of classical antiquities in Rome, I, Leipsic 1895, 428, 572.

³⁾ *Musée Impérial Ottoman, Catalogue des sculptures grecques, romaines, byzantines et franques*, Constantinople, 1893, 27, 27; Collignon, *Sculpture*, II, 547, рис. 284; *Monuments et mémoires, fond. E. Piot*, VI (1900), pl. XIII; Pontremoli-Collignon, ук. соч. 217.

⁴⁾ Ср. Furtwängler, *Der Satyr aus Pergamon*, 7.

блестить и скорѣе походить на краску. Совершенно такой же лакъ и на фрагментѣ чаши изъ Херсонеса (ср. выше стр. 19, рис. 19). Еще на вазахъ III в. мы видимъ нерѣдко черный съ металлическимъ блескомъ лакъ (напр., на каленскихъ чашахъ). Лакъ на нашемъ обломкѣ скорѣе всего указываетъ на II вѣкъ.

Принимая во вниманіе все сказанное, мы отнесли бы издаваемый обломокъ изъ Ольвии къ первой половинѣ II в. до Р. Хр. Главное его значеніе заключается въ томъ, что онъ является прекраснымъ намятникомъ художественной промышленности Ольвии въ II в. до Р. Хр. и свидѣтельствуетъ, что промышленность эта слѣдовала указаніямъ современнаго искусства. Въ виду того, что намятниковъ древней торевтики дошло до насъ крайне мало, что дошли они часто въ очень плохомъ видѣ (какъ напр. фрагментъ серебряной чаши изъ Ольвии, рис. 2), важность нашего обломка для исторіи искусства увеличивается еще болѣе. И по нашему обломку можно судить о томъ богатствѣ и великолѣпнн, которымъ отличались золотыя и серебряныя чаши, служившія оригиналами для vazъ въ родѣ той, отъ которой сохранился нашъ обломокъ. Ихъ рельефныя медальоны, ἐμζλήματα, не даромъ цѣнились знатоками искусства въ древности и изъ нихъ составлялись художественныя коллекціи ¹⁾. Интересно и то, что нашъ обломокъ указываетъ на тѣсныя отношенія городовъ нашего юга въ III—II вѣкѣ до Р. Хр. къ культурнымъ центрамъ Малой Азии и въ частности къ Пергаму.

Б. Фармаковскій.

Рис. 3.

¹⁾ Ср. Сісер. In Verr. IV, 14, 32; 22, 49.